

ЭВФЕМИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ГЕНДЕРНОЙ СМЕХОВОЙ УСТАНОВКИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ГУБЕРМАНА

Аннотация: В статье мужские гендерные установки и стереотипы по отношению к женщине рассматриваются через призму смеховой эвфемизации в художественном тексте. Эвфемизм в поэзии выступает не только смягчающим средством, отражающим маркированные полом социальные противоречия, но и приемом усиления выразительности высказывания.

Ключевые слова: эвфемизм, гендер, установка, коннотация, имплицитность, стереотип, комический.

Формирующая сила социально-культурных ожиданий проявляется в представлениях полов друг о друге. Своеобразие в моделях мужского/женского речевого поведения проявляется нерегулярно, и гендер не является определяющим фактором коммуникации. В то же время в определенных ситуациях речевого общения влияние гендера проявляется в предпочтении одних приемов речевого поведения и блокировании других. Моделирование фрагмента мира, основанное на системной оппозиции «мужской/женский», находит косвенное отражение в том числе и в эвфемизации.

Как прежде, так и в настоящее время потребность в эвфемизации весьма велика. Доказательством тому служит широкий спектр назначения эвфемизмов в речи – они осуществляют «этико-этикетную, эмоционально-психологическую, эстетическую, социальную, общекультурную функции, играя важную роль в создании эмоционально позитивного, доброжелательного, культурного, наконец, просто успешного общения» [3:11]. За эвфемизацией, мы полагаем, стоит система поведения, деятельности и отношений. У эвфемизма есть культурная и социальная функции – передавать те представления, архетипы, символы, эталоны, стереотипы, которые были созданы в культуре общества и в ней сохранились. Все эти пласты культурного и социального знания составляют тот фон, на котором осознается «фигура» женщины, ее образ в глазах мужчины. Разумеется, существуют сильные гендерные стереотипы, однако зачастую они заметно приближаются к реальным гендерным различиям.

Наша цель – исследовать мужские установки по отношению к женщине, анализируя средства и способы смеховой эвфемии в творчестве поэта-мужчины И. Губермана [2].

Анализ употребления эвфемизмов показал, что существуют в культурно-языковом сознании россиян определенные прескрипции, или установки культуры, согласно которым женщина, например, должна не демонстрировать, а скрывать, маскировать те или иные действия, связанные с физиологией; женщина не должна допускать в речи грубых, вульгарных и излишне прямолинейных выражений в описании физиологической стороны жизни [1].

Любовь у Губермана чувственная, телесная, земная. Возможно, поэтому некоторую грубоватость эротизма он смягчает, представляя данный предмет изображения в ироническом или шутовском ракурсе. Нельзя не отметить не только чрезвычайную разработанность эротической эвфемии в творчестве поэта, но и обилие фигур, работающих на эту смысловую зону. Эта тема отражается в совершенно различных метафорических, метонимических и прочих, порой абсолютно непредсказуемых, образах, что, собственно, и составляет своеобразие художественного описания.

*Когда тепло, и тьма, и море,
и под рукой крутая талия,*

*то с неизбежностью и вскоре
должно случиться **и так далее.***

В данном случае эвфемизация возникает благодаря умолчанию, суть которого в обрыве высказывания в расчете на то, что адресат догадается, о чем идет речь. Как лексический знак умолчания используется выражение *и так далее* (своего рода звуковое многоточие).

В маскулинной эвфемистике Губермана немало так называемых эротических метафор: *не по мне твой сладкий пряник; грешнейших грех – не дергать репок из грядок и оранжерей; умерь обильные корма, воздвигай свой сад* и т.п.

В Словаре русского языка С.И. Ожегова приводятся два омонима: **лихой** – приносящий беду, злой, тяжкий; **лихой** – молодецкий, удалой. В следующем стихотворении комическое возникает и от словесного выражения (в связи с омонимией), и по поводу вещей (в связи с уподоблением).

*Старушка – воплощенное приличие,
Но в память, что была она **лиха**,
Похоже ее сморщенное личико
На спекшееся яблоко греха.*

Здесь использован прием текстовой мифологической аллюзии, т.е. ассоциативной отсылки к определенному известному для адресата произведению. Само слово яблоко обросло четкими коннотациями, став символом соблазна и греха. Встречается и фольклорная аллюзия, например: *детей искать в какой-нибудь капусте.*

В творчестве Губермана шутка всегда заключает в себе нечто такое, что может на мгновение обмануть, происходит задержка в узнавании, в осознании истинного смысла. Комическим становится не только сам предмет, сюжет, но и способ его интерпретации.

*Мы счастье в мире умножаем
(а злу – позор и панихида),
мы смерти дерзко возражаем,
творя обряд продленья вида.*

В этом четверостишии Губерман предлагает изящную вербализованную версию одной из пикантных тем. Маскирующее переименование служит для снятия отрицательных коннотаций нежелательного понятия, то есть замене отрицательно коннотированного имени торжественно-высоким. Господство комизма проявляется и в том, что сама форма стиха, стилистическая тональность устремляют его к серьезности, однако он все же не принимается до конца всерьез. Контраст, присутствующий в комическом, приписывается не только объекту комического. У поэта комическая эвфемизация – способ осмысления человеческих поступков. Смех тут возникает из неожиданного сознания несовпадения между известным понятием и реальным объектом, который в каком-либо отношении мыслится в этом понятии.

Комическое и в субъективности, в сознании, в котором и происходит процесс «подстановки» собственных представлений смеющегося субъекта под действия и устремления общепринятые.

Многообразны эвфемизмы, именующие определенные части женского тела.

*Словить иностранца мечтает невеста,
надеясь побыть в заграничном кино
посредством заветного тайного места,
которое будет в Европе окно.*

В данном фрагменте представлена аппликация, т.е. автор использовал в собственном тексте словосочетание из текста, всем хорошо известного. Комический эффект зиждется на самоуничтожении содержания явления через форму его «обновленного» проявления. Механизм этого саморазрушения таков: некое содержание обнаруживает себя в отдельном лице, предмете и благодаря ему становится ничтожным и жалким. Все, в том числе высокое и нравственное, самообесценивается через свое проявление, через реализацию в отдельных лицах, характерах, поступках в силу их ничтожности. В комическом видимость носит превратный характер. Ничтожное само по себе явление претендует на нечто подлинное и субстанциальное, не являясь таковым, тем самым создавая видимость, скрывая свое истинное незначительное содержание.

Эвфемизму свойственна имплицитность, формальная невыраженность прагматической информации, которая в нем содержится. Эвфемизмы поэта выводят нас из состояния смущения, когда речь идет о некоторых материально-телесных началах жизни: образах самого тела, половой жизни и т.д. Они эстетизируют реальность и формируют новое мышление, изменяя для этого некоторые смыслы и расставляя некоторые акценты. Эвфемизм смягчает форму выражения смысла, но не изменяет имплицитно присутствующий в выражениях смысл – он проступает при восприятии эвфемизма как семантическая сущность, которая закодирована тем или иным словом или выражением, ставшим своего рода форматом, подходящим для выражения этого глубинного смысла, этой имплицитной пропозиции эвфемизма.

*Не знаю выше интереса,
чем вечных слов исполнить гамму
и вывести на путь прогресса
замшело нравственную даму.*

Эвфемизм служит приемом для того, чтобы логически верную мысль выразить логически неверным способом. Само понимание этого контраста непосредственно вызывает смех. Благодаря эвфемизму создается некий фасад пристойности, обходится цензура воспитания, культуры, этических норм и т.д.

Традиционно физическая привлекательность или непривлекательность женщины является важнейшим показателем ее успеха или нет у противоположного пола, однако в обществе существует этическое табу на акцентировании физических недостатков. Поэт «обходит» эту неловкость, полагая, что не говорить о важном – значит исказить правду жизни. Эвфемизм у него служит для номинации некоторых непривлекательных физиологических процессов и состояний, при этом эффект смягчения нетактичности срабатывает благодаря семантико-синтаксической перегрузки особого типа. Высказывания имеют разное оценочное и семантическое наполнение, но, впрочем, все же связаны ассоциативно. Причем оценочность представляется бивекторной одновременно: положительной и отрицательной.

*Где стройность наших женщин? Годы тают,
и стать у них совсем уже не та;
зато при каждом шаге **исполняют**
они роскошный танец живота.*

Губерман мастерски подмечает много комического в женщине, «вчувствуется» в ее психические процессы. Комическое у женщин поэт находит всюду: в движениях, поступках, характерных чертах, первоначально – в телесных, а потом и в душевных качествах слабого пола.

*Забав имел я в молодости массу,
в несчетных интерьерах и пейзажах
на девок я смотрел, как вор – на кассу,
и кассы соучаствовали в кражах.*

Если объектом сравнения выступают предметы, то происходит персонификация, отождествление с какими-либо проявлениями человека. Сущность комического здесь состоит в неожиданно быстром сближении двух совершенно различных, даже противоположных предметов, понятий, сходных только по какой-то совершенно случайной черте.

Для Губермана в поведении женщин много именно нелепого, а комическое как раз связывается с нелепым. Если «нелепость» в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова [4] толкуется как нечто, не оправдываемое здравым смыслом (подчеркнем – с точки зрения мужчин), то «бессмысленное» как нечто, вообще лишённое всякого смысла. У Губермана смех направлен на узнавание новых смыслов. То есть новизна в восприятии женщины как таковая или даже как некоторая самоцель – это одна из подоснов его гендерно окрашенного смеха.

Таким образом, по смеху вполне можно определять степень нравственного сознания представителей разных гендерных субкультур, а эвфемизмы – явление не только лингвистическое, но и культурно-социологическое, тесно связанное с типами и условиями бытования гендерных отношений и стереотипов.

Библиографический список

1. Витковская Л.В. С точки зрения поэта («Образ автора» в когниостиле И. Бродского) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск. 2004, №1, с. 21-34.

2. Губерман И. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 17. М., 2004.

3. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М., 2007.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1988.